

бочему, но худой какъ щепка старикъ несъ ее какъ перо. Мы вошли на первую площадку черезъ одинъ изъ входовъ. Проходя, шаманъ ткнулъ свободной рукой въ грубое изваяніе и сказалъ.

— Стара, многу стара.

На первой верхней площадкѣ шаманъ сбросилъ свою ношу, и подойдя къ убитому филину, потрогалъ его за крыло и, злобно взглянувъ на меня, какъ-то прошипѣлъ.

Онъ прикрѣпилъ филина къ своей связкѣ валежника и быстро поползъ по обломку, на верхъ скалы. Когда онъ перешелъ на ступени, пробитыя въ самой скалѣ, я невольно изумился его ловкости и цѣпкости. Онъ, вися надъ камнями, какъ векша, лѣпился къ скалѣ и всползалъ на высоту ловче, быстрее, а главное смѣлѣе и увѣреннѣе меня. Я не рискнулъ слѣдовать за нимъ, сознавая, что на вершинѣ скалы, гдѣ гладкаго выступа, отъ ямы до краю, было не болѣе полутора аршина, онъ легко могъ однимъ толчкомъ сбросить меня въ пропасть. Видъ и съ первой площадки былъ такъ хорошъ, что я невольно имъ залюбовался. Ущелья и долины курились сизоватымъ, туманомъ, и дальнія вершины болѣе высокаго хребта окрашивались отъ лучей заходящаго солнца красноватыми, фіолетовыми и розовыми оттѣнками. Мѣстами облака, сливаясь съ силуэтами сравнительно невысокихъ горъ, казались свѣжными великанами громаднаго хребта. На востокъ небо уже потемнѣло, и то тутъ, то тамъ загорались звѣзды, а на горизонтѣ начинала вырѣзываться широкая полоса млечнаго пути.

Пора было подумать и о ночлегѣ. Я хотѣлъ уже возвращаться къ шалашу внизъ, какъ вдругъ сзади меня раздались громкіе возгласы:

— Ну! ого! понатужься, Воронко! а ты, крыса, не отвиливай, не то я тебя хуже твоей влячи отхлещу! Сказано попался, ну и иди! Не то пристрѣлю какъ собаку!

На вторую площадку взбирался, съ отлогой стороны, цѣлый караванъ. Впереди бодро шагаль Воронко, навьюченный нашимъ добромъ, а сзади его шагали еще двѣ лошади, на которыхъ были навалены громаднѣйшія охапки валежнику, толстыхъ сучьевъ и зеленыхъ хвойныхъ вѣтвей. За ними, сгибаясь подъ громадной связкой валежнику, неохотно шелъ человѣкъ, въ которомъ я узналъ одного изъ инородцевъ, который не разъ отговаривалъ меня отъ поѣздки на гору. Степанъ, съ ружьемъ въ рукахъ, замыкалъ эту неожиданную для меня процессію.

— Вотъ, баринъ, гусь мнѣ попался. Своему шаману жратвы да даровъ привезъ, да на меня и напоролся, а я его и спалалъ.